

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/WTVFCY>
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)52

СТАТЬЯ НИКОЛАЯ СОЛОВЬЕВА «ВОПРОС ОБ ИСКУССТВЕ» В ПОЛЕМИКЕ О «ГРОЗЕ» А.Н. ОСТРОВСКОГО

© 2025 г. В.И. Щербаков

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 13 февраля 2024 г.

Дата одобрения рецензентами: 14 апреля 2024 г.

Дата публикации: 25 сентября 2025 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-3-172-183>

Аннотация: В становлении литературной репутации А.Н. Островского важнейшую роль сыграла критика 1860-х гг. Это время отмечено появлением ряда значительных статей, которые существенно расходились между собой в оценках творчества драматурга и сами становились предметом дискуссий, а самые острые споры развернулись вокруг драмы «Гроза». В этих спорах наибольшего внимания историков литературы удостоились критические выступления Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, А.А. Григорьева. В настоящей статье обстоятельно раскрывается недооцененный вклад в изучение Островского Николая Ивановича Соловьева (1831–1874), который тщательно анализировал статьи Добролюбова и Писарева (еще при жизни последнего) и достаточно объективно, хотя и с принципиально иной точки зрения, интерпретировал их мнения о главной героине «Грозы», Катерине Кабановой. Н.И. Соловьев подчеркнул связь эстетических и этических воззрений этих критиков с идеями Н.Г. Чернышевского, а также высказал оригинальное мнение о драматизме положения Катерины. В статье также указано на сходство некоторых суждений Н.И. Соловьева с высказываниями А.А. Григорьева. Статья приурочена к 200-летию со дня рождения драматурга.

Ключевые слова: Николай Соловьев, «Вопрос об искусстве», А.Н. Островский, «Гроза», Катерина Кабанова, Аполлон Григорьев, Добролюбов, Писарев, Чернышевский, 1860-е гг., критика.

Информация об авторе: Виктор Игоревич Щербаков — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. <https://orcid.org/0000-0003-4769-6634>

E-mail: visher111@yandex.ru

Для цитирования: Щербаков В.И. Николай Соловьев в спорах критики о «Грозе» // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 3. С. 172–183.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-3-172-183>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 10, no. 3, 2024

NIKOLAY SOLOVYOV'S ESSAY "THE ART ISSUE" IN THE CRITICAL CONTROVERSY ABOUT A.N. OSTROVSKY'S *THE THUNDERSTORM*

© 2025. Victor I. Shcherbakov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia*

Received: February 13, 2024

Approved after reviewing: April 14, 2024

Date of publication: September 25, 2025

Abstract: Criticism of the 1860s played a crucial role in the formation of Alexander Ostrovsky's literary reputation. This epoch was marked by the appearance of a number of outstanding articles, which significantly diverged from each other in their assessments of the dramatist's work and became the subject of debates themselves, with the most heated disputes unfolding around the drama *The Thunderstorm*. In these disputes the greatest attention of literary historians was given to the critical articles of N.A. Dobrolyubov, D.I. Pisarev, and A.A. Grigoriev. This article thoroughly reveals the underestimated contribution to the study of Ostrovsky by Nikolay Ivanovich Solovyov (1831–1874), who carefully analyzed the articles of Dobrolyubov and Pisarev (during the latter's lifetime), and quite objectively, although from a principled standpoint, assessed their opinions about the main character of *The Thunderstorm*, Katerina Kabanova. N.I. Solovyov emphasized the link between the aesthetic and ethical views of these critics and the ideas of Nikolay Chernyshevsky, and also expressed an original opinion about Katerina's dramatic situation. The article also points out the similarity of some statements of N.I. Solovyov and A.A. Grigoriev. This article is dedicated to the 200th anniversary of the dramatist's birth.

Keywords: Nikolay Solovyov, "The Art Issue," A.N. Ostrovsky, *The Thunderstorm*, Katerina Kabanova, Apollon Grigoriev, Dobrolyubov, Pisarev, Chernyshevsky, 1860s, criticism.

Information about the author: Viktor I. Shcherbakov, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
<https://orcid.org/0000-0003-4769-6634>

E-mail: visheriii@yandex.ru

For citation: Shcherbakov, V.I. "Nikolay Solovyov's Essay 'The Art Issue' in the Critical Controversy About A.N. Ostrovsky's *The Thunderstorm*." *Studia Litterarum*, vol. 10, no. 3, 2025, pp. 172–183. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-3-172-183>

Николай Соловьев не принадлежит к числу хрестоматийных авторов, писавших о «Грозе». В известном сборнике «Русская трагедия: Пьеса А.Н. Островского “Гроза” в русской критике и литературоведении» (2002)¹, куда вошли и фрагменты статей, Н.И. Соловьева нет; в комментариях к «Грозе» нового Полного собрания сочинений и писем² Островского он также не упомянут, а в «Энциклопедии» А.Н. Островского (2012) назван лишь в библиографическом контексте [9, с. 98, 305], хотя Соловьев не раз писал об Островском и сказал запоминающиеся слова о «Грозе».

Литературная судьба Н.И. Соловьева вообще драматична. При жизни он подвергался травле со стороны журналистов демократического лагеря, а после безвременной кончины (1 января 1874 г.) был надолго забыт. В эпоху Николая II о нем вспомнили и сочувственно отозвались А.Л. Волынский [2, с. 161–162] и А.А. Шилов [10], но вскоре для Соловьева настала полоса идеологического забвения — он был вычеркнут из всех советских энциклопедий, а в комментариях научных изданий обычно упоминался с ярлыком «реакционный критик»³.

Н.И. Соловьев был вновь открыт в работах В.С. Нечаевой [7], Б.Ф. Егорова [3; 4], Ч.А. Мозера [8], А.В. Косенковой [6], статьи о нем есть в энциклопедиях «Ф.М. Достоевский и его окружение» (2001, автор С.В. Белов), «Русские писатели» (2007, автор Б.Ф. Егоров), «Русские фольклористы» (2019, автор Т.Г. Иванова) и других. Уже давно Соловьева цитируют

1 Это расширенный вариант сборника «Драма А.Н. Островского “Гроза” в русской критике» (Л., 1990).

2 «Гроза» входит в т. 2 (2020) этого издания [14].

3 Эта оценка была категорически оспорена в работах Б.Ф. Егорова [3, с. 203; 4, с. 499].

без идеологических ярлыков, но его критическое наследие остается малоизученным. И прежде всего это относится к статьям, в которых он писал об Островском.

Наиболее обстоятельно Николай Соловьев высказался о пьесах Островского в своем критическом цикле «Вопрос об искусстве» (1865), большая часть которого посвящена разбору статей Добролюбова (три из пяти статей⁴). В частности, Соловьев подробно анализирует «Темное царство» (1859) и спорит со многими положениями этой статьи. «На г. Островского он <Добролюбов> смотрит как бы с одной стороны и разбирает одну половину его литературной деятельности — изображение темной стороны жизни. Положим, что эту сторону таланта Добролюбов разобрал хорошо, но этого все-таки недостаточно. В таланте г. Островского есть много света и истинной поэзии, которые в “Темном царстве” не оценены» [17, № 7, с. 67].

Соловьев цитирует патетические строки критика: «Это мир затаенной, тихо вздыхающей скорби, мир тупой, ноющей боли, мир тюремного, гробового безмолвия...» [13, т. 5, с. 30], комментируя их так: «Это не тело общественное, что изобразил Добролюбов, а труп бездыханный или больной в агонии...» [17, № 7, с. 76]. Соловьев указывает на яркие характеры в названных пьесах, которые не укладываются в рамки «темного царства» — в частности, образ Груши из пьесы «Не так живи, как хочется»: «Нельзя лучше, рельефнее нарисовать характера грациозно-веселой, сдержанно-страстной и удалой, умной русской девушки. Смотря на эту светлую фигуру, нельзя не подивиться, как могло Добролюбову казаться все темным в сочинениях г. Островского» [17, № 7, с. 72]. Здесь Соловьев сходится с Аполлоном Григорьевым: «В создании Груши, и даже ее матери, виден для всякого, кроме теоретиков, народный поэт, а не сатирик. Груша в особенности есть лицо, изображенное положительно, а не отрицательно...» («После “Грозы” Островского (Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу)», 1860) [11, с. 226]. Известно, что Григорьев называл «теоретиком» Добролюбова и оспаривал его концепцию «темного царства». Соловьеву же статья «Темное царство» представлялась хоть и односторонней, но все же не «теоретической». Впрочем, он хорошо знал тексты Добролюбова и удачно привел

4 В авторском собрании сочинений Соловьева (1869) цикл приобрел вид цельной статьи.

цитату из статьи «Луч света в темном царстве» (1860), где Добролюбов буквально предстает *теоретиком*:

...любуюсь Катериной, он припоминает следующее место из Островского: «Иной раз, бывало, рано утром в сад уйду, еще только солнышко восходит, упаду на колени⁵, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чем молюсь и о чем плачу; так меня и найдут. И об чем я молилась тогда, чего просила — не знаю; ничего мне не надобно, всего у меня было довольно». — «Бедная девочка, — замечает Добролюбов, — не получившая *широкого теоретического образования*⁶, не знающая всего, что на свете делается, не понимающая даже хорошенько своих собственных потребностей, не может, разумеется, дать себе отчета в том, что ей нужно». — Из этого выходит, что Катерина в своих слезах как будто жаждала теоретического образования; тогда как воображение рисовало ей фантастические картины, а в ушах звучал страстный шепот [17, № 7, с. 77].

По мнению Соловьева, Добролюбов, как человек «надломанный в своих пониманиях красоты», обнаружил в данном случае «самые фальшивые воззрения на сущность движений душевных» [17, № 7, с. 77]. Соловьев намекал на то, что Добролюбов сформировался на эстетических идеях Чернышевского (теорию которого Соловьев подробно разбирал в первой статье цикла «Вопрос об искусстве»), но при этом не стал копией своего учителя — Добролюбов много говорит «против художественной и эстетической критики и обнаруживает несомненные способности к ней» [17, № 7, с. 77]. И здесь Соловьев ближе к истине, чем Григорьев, считавший Добролюбова «теоретиком». По версии Соловьева, Добролюбов хоть и сгустил краски в своем «Темном царстве», но сам же и понял это с появлением «Грозы»⁷: «Прежде он говорил, что ни один луч светлого дня в него не проникает, и тут вдруг посыпались на него самые яркие лучи света» [17, № 7, с. 76]. Действительно, в 1859 г. Добролюбов писал: «...гнилью и сыростью веет темная и тесная тюрьма. Ни один звук с вольного воздуха, ни один луч светлого дня

5 Добролюбов цитирует это место пьесы не совсем точно. У Островского: «Или рано утром в сад уйду, еще только солнышко восходит, упаду на колена...» [14, т. 2, с. 214].

6 Выделено Соловьевым.

7 Первое представление — 16 ноября 1859 г., первая публикация — конец января 1860 г.

не проникает в нее» [13, т. 5, с. 30]. Годом позже Добролюбов открыл в Катерине «луч света», «новый тип» и «русский сильный характер», «требуемый у нас новым поворотом общественной жизни» [13, т. 6, с. 337, 335], но Соловьеву такая трактовка центрального образа «Грозы» не кажется убедительной: «О каком повороте тут говорит Добролюбов? Зачем видит он во всем изображение новых, нарождающихся явлений жизни? это задача таланта г. Тургенева, а не г. Островского. Катерина не новость в нашем народе: она всегда была в нем — это доказывают русские народные песни; многие из них прямо вырвались из женской груди и по тону и складу даже подходят к тому страстному, грациозному говору, которым дышит речь Катерины» [17, № 7, с. 76–77]. Обращение Соловьева к фольклору не случайно — он был большим поклонником народного творчества и посвятил ему обширное критическое исследование «Русская песня» (Всемирный труд. 1867. № 6–10), где Островский тоже упоминается. Понятно, что революционный пафос Добролюбова был Соловьеву чужд — русская жизнь представлялась ему гораздо более светлой.

О мотивах публичного сознания Катерины в супружеской измене Соловьев высказался оригинально: «...нравственное чувство Катерины не вынесло двумужничества. Ведь Тихон не терял на нее право после того, как ее обнимал Борис; недаром же она говорила тогда Борису о муже: “И ласка-то его теперь мне хуже побоев”⁸. Г. Островский, сознательно или несознательно, представил в своей драме одно из глубочайших достоинств женской натуры. Женщина в отношении любви имеет великое преимущество перед мужчиной: она если отдается — то отдается вся, или уже падает так низко, как не падает мужчина. Из первого положения выходит мать, из второго — потерянная женщина. Наши реалисты⁹ не в состоянии понять, что женщина — жить с Тихоном и с Борисом, с Кирсановым и с Лопуховым спокойно не может. Г. Писарев в этом отношении так же ошибся, как и Рахметов...» («Вопрос об искусстве») [17, № 7, с. 80].

«Гроза» вызывала у Соловьева ассоциации с романом «Что делать?» (1863), где вечная драма разыгрывается в кругу «новых людей». Напомним, что Вера Павловна сначала была женой Лопухова, но затем полюбила его

8 У Островского: «То ласков, то сердится, да пьет всё. Да постыл он мне, постыл, ласка-то его мне хуже побоев» («Гроза», действие 5, явление 3) [14, т. 2, с. 253].

9 Намек на Писарева и его статью «Реалисты» (1864).

друга Кирсанова, а муж, поняв, что он лишний, инсценировал самоубийство и уехал за границу. Вера Павловна какое-то время испытывала угрызения совести, писала мужу: «О, как бы я была рада умереть, если бы ты от этого стал счастливее! Но я не могу жить без него. Я обижаю тебя, мой милый, я убиваю тебя, мой друг, я не хочу этого. Я делаю против своей воли. Прости меня, прости меня» [20, т. 11, с. 192], но «особенный человек» Рахметов (двадцатидвухлетний авторитет) ей объяснил, что все это «мученья из-за пустяков и катастрофы из-за вздора» [20, т. 11, с. 222], прозрачно намекнув, что можно было без всяких сложностей и угрызений жить «втроем», в меру потребностей и удобств каждого. Соловьев не раз упоминал роман Чернышевского и этот разговор Веры Павловны с Рахметовым, категорически отвергая его «новую» мораль. Для него такое положение женщины естественно, как любая полигамия или полиандрия, и он не раз употреблял эти слова, говоря о морали «космополитов-коммунистов» [19, ч. 2, с. 324].

Сопоставление «Грозы» с романом Чернышевского возникло у Соловьева под впечатлением от статьи Писарева «Мотивы русской драмы» (1864), где тот оспаривал добролюбовскую интерпретацию образа Катерины как «нового типа», противопоставляя ей своих литературных кумиров — Базарова и Лопухова. История трагической страсти купеческой жены Писарева не трогала:

«Что это за любовь, возникающая от обмена нескольких взглядов? Что это за суровая добродетель, сдающаяся при первом удобном случае? Наконец, что это за самоубийство, вызванное такими мелкими неприятностями, которые переносятся совершенно благополучно всеми членами всех русских семейств?» [15, т. 5, с. 360]. Зато нетривиальная история любви «новых людей» вызывала у Писарева восторг и умиление: «Сколько минут чистейшего счастья пережил Лопухов в то время, когда, отрываясь от любимой женщины, он собственноручно устраивал ей счастье с другим человеком! Тут была обаятельная смесь тихой грусти и самого высокого наслаждения, но наслаждение далеко перевешивало грусть...» [15, т. 5, с. 373].

Писарев был Чернышевскому под стать, и Соловьев находил характерным следующее место из статьи «Мотивы русской драмы»: «Борис живет в том же городе, всё идет по-старому, и, прибегая к маленьким хитростям и предосторожностям, можно было бы кое-когда видаться и наслаждаться жизнью» [15, т. 5, с. 362]. По логике Писарева, с возвращением мужа ни-

что не мешало Екатерине вести двойную жизнь, кроме ее противоречивой, «взбалмошной» натуры: «...она сегодня раскаивается в том, что делала вчера, и между тем сама не знает, что будет делать завтра; она на каждом шагу путает и свою собственную жизнь, и жизнь других людей...» [15, т. 5, с. 363]. А по логике драматурга, до публичного саморазоблачения Екатерину довели муки совести¹⁰. И Соловьеву ее муки понятны: «Спокойно занимать средину в любви, равнодушно прибегать к маленьким хитростям и предосторожностям — есть безнравственность, с которой трудно мириться женской натуре» [17, № 7, с. 80]. В трагедии Екатерины Соловьев увидел разрешение драматического узла в духе традиционных семейных ценностей, которые он пропагандировал¹¹.

Добролюбовский разбор «Грозы» Соловьеву в целом нравился, причем как раз тем, чем не нравился Писареву, — это «чисто эстетический дифирамб Екатерине» [17, № 7, с. 77]. Добролюбов хоть и допускал натяжки, но любил и понимал искусство, и за это Соловьев мог простить ему многое. Писарев же, упрекавший покойного Добролюбова за то, что в «Луче света...» он сошелся с эстетиками, «своими всегдашними противниками» [15, т. 5, с. 361], представлялся Соловьеву *более послушным* учеником Чернышевского — бравирюя своим антиэстетизмом, он «довел до абсурдов» теорию учителя, а именно «теорию воспроизведения, или безобразия», как называл Соловьев «Эстетические отношения искусства к действительности» [17, № 7, с. 78].

Начиная с дебютной статьи «Теория безобразия» (1864), Соловьев спокойно, но упорно преследовал Писарева своей «критикой критики», и тот ему очень нервно отвечал, срываясь на прямые оскорбления¹². Так, намекая на беспардонную характеристику Татьяны в писаревской статье «Пушкин и Белинский» (1865), Соловьев писал: «...нисколько не удивляемся, что тот, кому не нравилась так Татьяна, не понял также и Екатерины. И та и другая были отражением одного и того же идеала русской женщины, взятые только из разных сфер. Дальше Татьяны и Екатерины женщина еще не

10 «Трагедией совести» назвала «Грозу» А.И. Журавлева [5, с. 86].

11 К слову сказать, свой идеал крепкой семьи Соловьеву в жизни осуществить не удалось — с законной женой он расстался без развода и жил с другой (имея детей от обеих), см.: [16, с. 161], да и в своих статьях он часто сетовал на непрочность семейных уз.

12 Подробности их полемики см. в работах Ч. Мозера [8, р. 51–52] и А.В. Косенковой [6, с. 145, 148].

пошла...» («Идеалы», 1867) [18, № 4, с. 211]. В оценке характера Катерины Соловьев пошел дальше всех, включая Григорьева — тот видел в ней только «мечтательно-страстную натуру» [12, с. 318], а «полный художественный образ русской женщины» находил в одной Татьяне [11, с. 256]. Соловьев же ставил эти образы рядом: «Подобно Катерине г. Островского, Татьяна не перенесла бы равнодушно своей измены и сделалась бы только несчастна от своего счастья» [17, № 8, с. 434].

Из всех пьес Островского наибольшего внимания критиков 1860-х гг. удостоилась «Гроза». И это понятно: по сложности главного характера пьеса занимает центральное место в творчестве Островского, а разноречивые оценки современников во многом не устарели до сих пор, как, например, эти слова Николая Соловьева: «В “Грозе” г. Островский обнаружил более всего веры в светлую сторону нашей жизни, и потому “Гроза” вышла у него самой удачной из всех драм» [19, ч. 1, с. 103].

К середине 1860-х гг. основные мнения о «Грозе» были высказаны, Добролюбова и Григорьева уже не было среди живых, и Соловьев, присоединившись к затухавшим спорам, вероятно, надеялся подвести под ними черту. Однако его выступление не стало последним: в сентябре 1865 г., уже после публикации «Вопроса об искусстве», была написана статья Писарева «Посмотрим!», в которой тот, полемизируя с М.А. Антоновичем, еще жестче выразил свое неприятие добролюбовской трактовки «Грозы», назвав Катерину «полоумной мечтательницей и визионеркой» [15, т. 8, с. 30]. Но интересней финал писаревских штудий «Грозы»: «Характер Катерины промелькнул и теперь уже навсегда забыт, а базаровский тип растет постоянно, не по дням, а по часам, и в жизни и в литературе» [15, т. 8, с. 33]. Сегодня, 160 лет спустя, ошибочность этого вывода очевидна: характер Катерины *не забыт* и все еще обсуждается (порой даже с писаревской прямоотой¹³), а успех базаровского типа оказался недолгим — этот тип ярче всего проявился в романе И.С. Тургенева и был исчерпан литературой 1860–1870-х гг. (Н.Г. Чернышевский, Н.Г. Помяловский, В.А. Слепцов, А.К. Шеллер-Михайлов, Н.Ф. Бажин, И.В. Омулевский и др.). Но эстетическое чутье не подвело Николая Соловьева, который распознал в «Грозе» шедевр на все времена.

13 См. интересную статью О.В. Богдановой: [1].

Список литературы

Исследования

- 1 *Богданова О.В.* «Реальная критика», или Как сделана «Гроза» А.Н. Островского // *Богданова О.В.* Русская литература XIX – начала XX века: традиция и современная интерпретация. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. С. 219–276.
- 2 *Волинский А.Л.* <Флексер Х.Л.> Русские критики. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1896. 827 с.
- 3 *Егоров Б.Ф.* Н.И. Соловьев — литературный критик // *Русская литература.* 1988. № 3. С. 60–77.
- 4 *Егоров Б.Ф.* Н.И. Соловьев // *Избранное. Эстетические идеи в России XIX века.* СПб.: Летний сад, 2009. С. 480–505.
- 5 *Журавлева А.И.* Русская драма и литературный процесс XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1988. 198 с.
- 6 *Косенкова А.В.* Главный оппонент — Н.И. Соловьев // *Мир Д.И. Писарева.* М.: ИМЛИ РАН, 2000. Вып. 2: Исследования и материалы. С. 139–161.
- 7 *Нечаева В.С.* Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М.: Наука, 1975. 302 с.
- 8 *Moser Charles A.* *Esthetics as Nightmare: Russian literary theory, 1855–1870.* Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1989. 288 p.

Источники

- 9 *А.Н. Островский.* Энциклопедия. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБУ ВПО «ШГПУ», 2012. 657 с.
- 10 *А. III–7 <Шилов А. А.>* Соловьев Николай Иванович // *Русский биографический словарь:* в 25 т. СПб., 1909. Т. 19. С. 81.
- 11 *Григорьев А.А.* Сочинения: в 2 т. / сост. и коммент. Б.Ф. Егорова. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2: Статьи. Письма. 510 с.
- 12 *Григорьев А.А.* Театральная критика. Л.: Искусство, 1985. 407 с.
- 13 *Добролюбов Н.А.* Собр. соч.: в 9 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1961–1964.
- 14 *Островский А.Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 18 т. Кострома: Костромаиздат, 2018– (продолжающееся изд.).
- 15 *Писарев Д.И.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. / Институт мировой литературы РАН. М.: Наука, 2000–2013.
- 16 *Разумевающие верой: Переписка Н.П. Гилярова-Платонова и К.П. Победоносцева (1860–1887) /* вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. А.П. Дмитриева; Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) РАН. СПб.: Росток, 2011. 510 с.
- 17 *Соловьев Н.И.* Вопрос об искусстве. Статья третья // *Отечественные записки.* 1865. № 7. Кн. I. Отд. I. С. 58–86; Статья четвертая // *Отечественные записки.* 1865. № 8. Кн. I. Отд. I. С. 416–444.

- 18 Соловьев Н.И. Идеалы // Всемирный труд. 1867. № 3. С. 157–193; № 4. С. 184–213.
- 19 Соловьев Н.И. Искусство и жизнь. Критические сочинения: в 3 ч. М.: С.П. Анненков, 1869.
- 20 Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. М.: Худож. лит., 1939–1953.

References

- 1 Bogdanova, O.V. “‘Real’naia kritika’, ili Kak sdelana ‘Groza’ A.N. Ostrovskogo” [“‘Real Criticism,’ or How A.N. Ostrovsky’s ‘The Thunderstorm’ Was Made”]. Bogdanova, O.V. *Russkaia literatura XIX – nachala XX veka: traditsiia i sovremennaia interpretatsiia* [Russian Literature of the 19th – Early 20th Centuries. Tradition and Modern Interpretation]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University Publ., 2019, pp. 219–276. (In Russ.)
- 2 Volynskii, A.L. <Flekser, Kh.L.> *Russkie kritiki* [Russian Critics]. St. Petersburg, M. Merkushev Publ., 1896. 827 p. (In Russ.)
- 3 Egorov, B.F. “N.I. Solov’ev — literaturnyi kritik” [“N.I. Solovyov as a Literary Critic”]. *Russkaia literatura*, no. 3, 1988, pp. 60–77. (In Russ.)
- 4 Egorov, B.F. “N.I. Solov’ev” [“N.I. Solovyov”]. *Izbrannoe. Esteticheskie idei v Rossii XIX veka* [Selected. Aesthetic Ideas in Russia of the 19th Century]. St. Petersburg, Letnii sad Publ., 2009, pp. 480–505. (In Russ.)
- 5 Zhuravleva, A.I. *Russkaia drama i literaturnyi protsess XIX veka* [Russian Drama and the Literary Process of the 19th Century]. Moscow, Moscow State University Publ., 1988. 198 p. (In Russ.)
- 6 Kosenkova, A.V. “Glavnyi opponent — N.I. Solov’ev” [“N.I. Solovyov, the Main Opponent”]. *Mir D.I. Pisareva. Issledovaniia i materialy* [The World of D.I. Pisarev. Research and Materials], vol. 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2000, pp. 139–161. (In Russ.)
- 7 Nechaeva, V.S. *Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskikh “Epokha” 1864–1865*. [The Periodical of M.M. and F.M. Dostoevsky “Epokha” 1864–1865]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 302 p. (In Russ.)
- 8 Moser, Charles A. *Esthetics as Nightmare: Russian Literary Theory, 1855–1870*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1989. 288 p. (In English)